

ГЛАВА 1

КАРАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Ночное небо простиралось над землей, словно гигантский черный шатер. Мерцали звезды, как всегда холодные и далекие. Легкий ветерок шевелил волосы, освежал лицо. Я постепенно приходил в себя.

Да и как не разнервничаться, если из ста тысяч возможных претендентов выбрали меня, единственного. Один шанс из ста тысяч. А ну как и правда получится? Я, Никифор Ростовцев, — Герой Советского Союза!!! Москва, Кремль, академия...

ТЬфу ты черт! Совсем ум за разум зашел. Иду, куда ноги ведут, дороги совсем не вижу. Удивительно, что о бордюры не запинаясь и в колючки не забредаю. Шальные мысли надо гнать из головы, а то и до беды недалеко. Вознесешься в мечтах до самых небес — вот тут-то тебя пуля на земле и срежет. Не летай, не воспаряй. Будь прощай! Живи, как раньше жил.

— Эй, лейтенант, ты чего сам с собой разговариваешь? Пьяный или совсем от войны чокнулся? Завоевался, служивый? — услышал я сзади веселый женский голос.

От неожиданности я в сердцах чертыхнулся:

— Черт побери! Понаставили бордюрных камней, чуть в темноте ногу не сломал.

— А ты ходи и под ноги гляди, меньше мечтай, — насмешливо сказала, поравнявшись со мной, кладовщица Лариса.

— Да, действительно задумался. Устал очень. Не живем, а существуем. Как собаки — и даже хуже. У собак хоть отдельная будка есть, а нас общаги и той лишили. Из

батальонного модуля выселили к бойцам в казарму. Один взводный на сейфе спит, другой — на столе, а я обычно на полу — в ленинской комнате на надувном матрасе.

— Бедненький! Надоела, наверное, жизнь половая? — расхохоталась женщина.

— Жизнь половая не надоела, потому что ее нет совсем. Просто устал ночевать в спальном мешке на пыльном полу.

— Тебя даже жалко стало. Пойдем, чаем напою. Хочешь?

— Хочу! Всего хочу!

— А вот насчет всего ты не угадал, место занято, пролетаешь, как фанера над Парижем!

— Ну, чай так чай, — вздохнул я и побрел следом за Ларисой.

В крохотной комнате стояли шкаф, стол и две застеленные кровати. Близость женщины меня взбудоражила — и лишний раз расстроила. Я выпил, обжигаясь, большой стакан крепкого душистого чая с вареньем. Опустошил второй и попросил третий.

— Ты меня глазами скоро разденешь и съешь! Топай домой. Хватит сидеть и тарашиться. Чаепитие окончено! Скоро Сашка должен объявиться. Зайдет, а тут молодой лейтенант меня компрометирует! — рассмеялась Лариска и, потянув легонько за руку, вытолкнула меня за дверь.

Вот черт, как все нелепо получилось, рассердился я на себя. Зачем, спрашивается, пришел? Сам не знаю. И сердце, вместо того чтобы успокоиться во время прогулки на свежем воздухе, наоборот, еще пуще колотится. Давление, чувствую, поднялось до критических пределов.

Поманили меня большой наградой начальники и сбили с толку. А потом еще зазывно махнула юбкой ведьма-деваха. Одни душевные расстройства... Ну, хватит напрасно переживать. Конец прогулке — спать пора.

Рано утром стремительная постановка задач и сбор по тревоге. Батальон погрузился на технику и отправился на Баграмскую дорогу проводить карательную операцию.

Отольются солдатские слезы тем, кто недавно устроил фейерверк из «наливняков».

Шедший впереди колонны танк с тралом задавил несколько мин. В конце концов после подрыва мощного фугаса каток трала отлетел в виноградник. Пока танкисты навешивали новый и заменяли контуженного механика, батальон открыл по «джунглям» шквальный огонь из всех стволов. Ветви деревьев, виноградные лозы трещали и падали, срезанные пулями и осколками снарядов. После точных попаданий артиллерии крыши и стены нескольких строений завалились внутрь карточным домиком. В садах, как песчаные фонтаны или гейзеры, десятками взметались вверх взрывы, а затем оседали, барабания вокруг комьями земли. Над кишлачной зоной повисла сплошная пелена дыма и пыли, мешающая и дышать, и смотреть.

Я залез в башню танка на место наводчика и принял за посылать очередь за очередью по кромкам высоких дувалов. Сначала бил по развалинам, а потом переключился на самый огромный в кишлаке двухэтажный дом. Довольно занятное времяпрепровождение — высаживание ворот и вышибание остатков стекол. Чувствуешь себя таким первобытным варваром. Строения рушились, осыпались, горели, но людей в них не было — ни одной живой души. Боеукладка в машине вскоре закончилась. Пока оператор занимался прокачкой второй ленты, чтобы продолжить стрельбу, я выбрался из башни. Канонада затихла, перестали свистеть пули и осколки, и можно было оглядеться.

Вдоль проселочной дороги по арыку протекал поток мутной глинистой воды вперемешку с мусором. Вода — это жизнь. А плохая вода — плохая жизнь, и жизнь в округе соответствовала воде в сточной канаве. Отплевываясь от пыли и мошкары, я присел на глиняный берег арыка. Разувшись, я окунул ступни в эту жижу. Теплая киселеобразная жидкость освежила, но, разглядывая грязный поток, я содрогнулся от отвращения при мысли о зараженной гепатитом, тифом, дизентерией и холерой воде, в которую я так опрометчиво сунул ноги. Вся эта нечисть

только и мечтает, чтобы проникнуть в мой молодой здоровый организм. А сколько заразы витает вокруг нас в воздухе! Бр-р-р! По-хорошему, взять бы территорию Афганистана да вымыть с хлоркой, чтоб обезвредить и обеззаразить. И аборигенов хорошенько помыть не мешало бы, в русской баньке, с парком и веничком. Правда, отмыв тело от грязи, они, возможно, сразу вымрут! С непривычки. Мы тоже постепенно привыкаем к местным условиям, но адаптируемся к антисанитарии все же плохо. Пьем воду из арыков, едим из грязных котелков невымытыми ложками (в горах вода дороже золота) и часто по нескольку недель не умываемся. Но вот что странно: я ни разу ничем не заболел! Мучаюсь только с гудящими от усталости ногами, ноющими коленями, да зубы крошатся от отсутствия фтора в воде и от твердокаменных сухарей. Правда, большинство наших бойцов не выдерживает. Медсанбаты и госпитали переполнены страдающими от инфекционных заболеваний.

Я плеснул водой на воображаемых микробов, страхнул капли со ступней: «Кыш, проклятые!»

К моей БМП подошел озадаченный и хмурый Сбитнев. Он вернулся с совещания:

— Ник, хватит балдеть! Обувайся, сейчас твои ноги снова вспотеют! Задач нарезали, мать их! Слева от дороги кишлак — название не выговорить — прочесать! Одной нашей славной ротой! Справа будет действовать вторая рота, а развалины впереди штурмует третья. Минометчики и артиллеристы с Баграмки произведут огневой налет, потом авиация отбомбится, и ровно через полчаса начало движения.

— Охренели, что ли, боссы? Ротой — на большущий кишлак? — удивился я.

— Таких кишлаков тут вон сколько! Цепью тянутся на восемьдесят километров! Что-то разведбат на себя берет, что-то восемьдесят первый полк, что-то десантура. Все равно многие сотни домов останутся непроверенными. Прочешем только окраину, вдоль дороги. Нам предстоит

загнать банду Карима в кяризы и там потравить дымами. Будем забрасывать эти чертовы лабиринты дымовыми минами и гранатами, минировать выходы из колодцев и, если получится, подрывать.

Легко сказать: потравить в кяризах дымами... Здесь этих кяризов — колодцев, соединенных ходами, этакая ирригационная система — тьма! Век не распутать.

— С кем мне идти прикажешь? Взводных — полный комплект, поэтому хочу с тобой вместе вползать в зеленку. Не возражаешь? — спросил я.

— И какой будет наша задача дальше? — поинтересовался вклинившийся в разговор Острогин. Он подошел к нам вместе с Мандресовым и Ветишиным. — Что нам предстоит тут делать: осваивать виноградные плантации? Помогать дехканам собирать урожай?

— Сейчас не до шуток! Приказ: колодцы, которые мы обнаружим, травить. Пусть угорят к чертовой матери!

— Бедная чертова мама! Ей будет чрезвычайно тяжело унести мириады отравленных душ, — рассмеялся Острогин. — Доведите план действий, командир! Взвода работают вместе или поврозь? Куда идет мое войско из восьми человек?

— Выстраиваемся в линию и планомерно, не забегая вперед и не отставая, ползем по долине, сметая все на своем пути. С краю от дороги — первый взвод. Затем второй, дальше третий и ГПВ, — распорядился Сбитнев. — Я пойду с третьим взводом, замполит — с пулеметчиками. Мандресов после этой операции — раскрою секрет — уходит от нас, поэтому я пойду с ним. Оценю его работу.

Мы недоуменно переглянулись: куда?! Только прибыл! Опять теряем хорошего парня.

— Грабят! — возмутился я.

— Да, да! Уходит на повышение. На отдельный взвод. Будет вместо Арамова командовать гранатометчиками. Никто нас не грабит, — отмахнулся ротный.

— А Бахадыр куда? — удивился Острогин.

— Командир полка назначает Баху на место Габулова. Комбат придет, согласуют с ним, и цепочка назначений

двинется. Так что Мандресов как Юлий Цезарь: пришел, увидел, вырос! Карьерист!

— А почему не Острогин? — удивился я.

— Сержу светит должность ротного! Зачем ему взвод? — резонно возразил Сбитнев. — А Мандресов новичок, ему еще нужно научиться действовать самостоятельно, для дальнейшей перспективы роста. Замполит, тебя же наш Муссолини расспрашивал о Мандресове вчера?

— Ну, спрашивал. Так, между делом интересовался, что за человек. Почему комсомолец, а не коммунист? Я сказал: хороший офицер, а что комсомолец — исправится, сделаем коммунистом. Долго ли при обоюдном желании и с хорошими товарищами. Если упаковку «Si-si» к тому же поставит и сверху коньяк!

— Поставишь? — вопросительно посмотрел Сбитнев на Мандресова.

— А надо ли? Может, я еще не созрел, сойду комсомольцем? — засмутился тот.

— Тебе денег жалко или это принципиальная позиция: «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым»? — возмутился Сбитнев.

— Жалко! Тем более что я еще получку в глаза ни разу не видел.

— Увидишь! Ты, между прочим, и в коллектив не влился! После возвращения берешь чеки, вливаешься, а на следующий день — отвальная! Сдашь дела тому, кто тебя сменил, и шагай по ступеням карьерного роста. Взвод гранатометчиков — это кузница кадров нашего батальона. Оттуда двое роту получали и заместителями начальника штаба становились, и это только на моей памяти, — сказал Сбитнев.

— Он так вскоре нами командовать вернется! — усмехнулся Ветишин. — Санька, дай, пока можно, тебя в бок двину. Когда станешь большим начальником, не получится! — Сережка, смеясь, ткнул Мандресова кулаком, и офицеры принялись весело мять бока Александру, радуясь возможности подурачиться перед боем. Мы все-таки нервничали перед вхождением в зеленку, таящую в себе постоянную угрозу.

Зеленка не подавала признаков жизни. Она была похожа на матерого аллигатора, затаившегося в болотной тине и ожидающего неосторожную, зазевавшуюся антилопу или газель, чтобы схватить ее за горло и утащить на дно. Такой «антилопой» сегодня могли оказаться мы.

Напряжение нарастало. Казалось, вот она, рядом, мирная жизнь: по шоссе торопливо снуют автомобили, стараясь быстрее проскочить в город, женщины с многочисленными детьми спешат по своим делам, птицы щебечут в листве деревьев, солнышко светит. Идиллия! Но спокойствие было обманчивым. Ведь эти афганские барбухайки несутся так быстро, чтобы проскочить это место до начала стрельбы, а люди не просто торопятся по своим делам, а спешат уйти подальше от опасной зоны. Скоро и беспечные птицы перестанут петь...

Действительно, все вокруг резко переменялось после первого же артиллерийского выстрела. Снаряды сплющили, словно гигантским молотом, нехитрые постройки, превратившиеся в пыль, вырвали с корнями деревья, обрушили метровой толщины дувалы.

Ну, с богом! Удачи нам...

Духи, как оказалось, никуда не ушли и не спрятались. Стоило сделать несколько шагов в зеленку, как мы попали под шквальный огонь. Конечно, то, что техника двигалась не одной колонной, а была развернута в линию, помогло нам прорваться вглубь. Пушки и пулеметы стреляли непрерывно. Стволы, перегреваясь, шипели. Вот и ближайшая цель — большой высокий дом посреди густых зарослей виноградника. Лоза трещала, извивалась и намазывалась на гусеницы, мешая продвижению техники.

— Эй, Курбатов, проверь вход! — приказал саперу Сбитнев.

Этот парнишка был мне знаком еще по прошлому году, когда Острогина окружили духи. Он и другой сапер, Аристархов, не бросили нашего взводного. Так втроем и отстреливались в течение двух часов от наседавших духов.

Аристархову повезло, и он уже уехал домой живой-здоровый, а Курбатову, бедолаге, еще служить и служить...

— Курбатов, ты аккуратнее ходи. Не пропусти растяжку! Ноги береги! — похлопал я его по плечу.

Солдат нервно улыбнулся в ответ на мою заботу, махнул рукой и принялся осторожно проверять шупом тропу и подступы к воротам. Те оказались незакрытыми. Да и зачем? Запертые либо сломаем, либо подорвем, а древесина здесь ой как дорога.

Второй взвод начал осматривать ближайшие строения, а мы с прапорщиком Бодуновым переместились к следующей хибаре. Стены тут были ниже, тоньше, домик совсем обветшал, и только виноградник был еще гуще, чем везде.

— Игорь, выбирай позиции пулеметам, а я в окрестностях пошарю, — сказал я прапорщику. — Возьму с собой сапера, пулеметчиков, наберу дымовухек и поищу кяризы в зарослях. Нужно заранее обезопасить себя, а то скоро духи, как тараканы, ползут оттуда на волю!

— Смотри, на засаду не нарвись. Далеко не отходи! Если что, кричи о помощи! Услышу — прибегу, не услышу — не обессуди! Я тебя не посылал! — заржал прапорщик.

— Ты тоже кричи, не услышу — не помогу, а услышу — тоже не прибегу. Вас много, нас мало. Если уж тебе станет совсем худо, то и от нашей помощи толку не будет, — рассмеялся я в ответ. — Обживайся, готовь обед, постреливай из «Утеса», но не перепутай меня с врагами!

— Не перепутаю! Сегодня у тебя физиономия без бороды, не ошибусь! Да и как же можно в Героя стрелять! Нельзя! Так что пока живи!

За дувалом я обнаружил два колодца, а Зибоев отыскал еще один, прикрытый досками и засыпанный соломой. Десять дымовых мин улетели в глубокие жерла, туда же отправились осколочные гранаты, гулко громыхнувшие на глубине. Чтобы дым не поднялся наверх, а задержался внутри и пошел бы гулять по горизонтальным ходам, мы закидали выходы ветками и какими-то лохмотья-

ми. Еще один дымовой столб клубился в глубине двора. Это Игорь шалил, обнаружив очередной потайной лаз.

— Товарищ лейтенант, в кяризе какое-то странное шевуршание! Послушайте! — окликнул меня из зарослей Лебедков.

— Сержант, может быть, вода течет, это ведь своеобразная система водоснабжения. Но могут и духи перебежать к нам в тыл. Чего прислушиваться! Тащи две дымовые гранаты и «РГО»! Сначала гранату кинь, а потом думы, — распорядился я. Не дожидаясь, пока он их принесет, и не заглядывая внутрь, я бросил во чрево колодца эфку. Граната, ударяясь о стенки, полетела вниз. Раздалось несколько шлепков по глине, а затем гулкой взрыв.

Лебедков повторил бросок, но более аккуратно. «РГО» взрывается сразу при ударе, поэтому сержант выпустил гранату точно над центром жерла кяриза. Мы отскочили за стену. Бу-бух! Гулко охнуло подземелье, и следом за эхом вверх взметнулись осколки. Если их выбросило даже сюда, то и духам досталось. Не хочется смотреть вниз: есть шанс получить оттуда очередь в лицо. Я вообще не люблю разглядывать, что там, в глубине кяриза. Сооружения эти, конечно, занятно сделаны. Их здесь копали годами. В мирное время в иной ситуации я бы их исследовал, но только не сейчас.

Юрка проколот дырки в дымовой mine, вставил запал, дернул за шнур и швырнул вниз. Через пару минут клубы черного и белого дыма поднялись до краев колодца.

— Юрик! Возьмите доски, вон ту рогожу и прикройте выход! А то задохнемся от этой дряни! — заорал на сержанта Бодунов.

— Нам и то эта вонь мешает, а представляешь, какой кайф ловят в штольнях духи! — засмеялся я, похлопав прапорщика по плечу. — Даже вошки и блохи на них подохнут! Вместе с хозяевами! Игорек, все, что есть, все дымовые гранаты в подвал и в колодцы, может, вытравим их, как крыс. Оставим без воздуха. И над выходом растяжки надо поставить, а то ночью какая-нибудь сволочь вылезет и нас порежет.

Не торопясь, мы еще раз обшарили окрестности. Добавили новых подарков для обитателей подземелья, набросали дымовых мин, да так много, что и самим дышать стало нечем.

— Где замполит? — услышал я крик радиста.

— Тут я! Чего нужно? — отозвался я, высовываясь из десантного отделения БМП, где, переваривая сытный обед, дремал, прячась от полуденного зноя.

— Ротный вызывает на связь!

— Ох-хо-хо. Чего ему не спится? Давай наушники.

Я взял радиостанцию и пробормотал:

— Слушает Анкер-300.

— Молодец, что слушаешь. Храпишь, наверное, как сивый мерин? — насмешливо спросил Сбитнев.

— Володя, зачем так, открытым текстом на весь эфир? Тем более что обвиняешь меня голословно. Нет, не сплю, беседую с бойцами, — ответил я, окончательно очнувшись.

— Хватит болтать с пулеметчиками. Садись быстрее на броню и пулей мчись ко мне!

Вот черт, не даст отдохнуть! Садись, езжай! А зачем — не сказал! Ни вздремнуть, ни отдохнуть, ни расслабиться.

— Зибоев! Бери пулемет и забирайся на бээмпэшку. Будешь меня охранять. Лебедков, заводите машину! — скомандовал я сержанту.

— Понял вас, командир! Вещи с собой брать? — поинтересовался Лебедков.

— Нет! Скорее всего, мы быстро вернемся. Это ротному что-то в голову взбрело! — Я потянулся до хруста в костях и крикнул Бодунову: — Игорек, я уезжаю на командный пункт, без меня не скучай!

Прапорщик оторвался от прицела «Утеса», помахал рукой и вновь припал к окуляру. Он уже битый час высматривал жертву. Но никак не мог найти затаившихся врагов в сплошной зеленой массе. Скорее сам дождется пули снайпера.

— Игорь, хватит изображать хищника, схлопочешь

пулю, лечить не будем. Лекарства дорогие! — сказал я, надевая нагрудник и набирая гранаты.

Бодунов помассировал шею, потряс руками, помял плечи и, перекатившись по крыше, прыгнул вниз.

— Никифор! Ты меня бросаешь на произвол судьбы? Надолго?

— Кто ж его знает, что командиру надо!

— Нас и так только одиннадцать, а ты четверых забираешь! — проворчал он.

— Ты мне предлагаешь идти пешком и одному? Или согласен дать провожающим пулеметчика? — ухмыльнулся я.

— Да нет, я ничего не предлагаю. Но с двумя БМП как-то веселее, чем с одной.

— Вот и мне ехать на машине будет весело. Ничего, мы там не заночуем. Скоро вернусь. В карты с ротным я резаться не буду. Вовка — шулер! Всегда норовит обжужлить, честно он просто не в состоянии играть. Наверное, донесение какое-нибудь составить и подать нужно, а сам думать и мозги напрягать не хочет. Для этого, вероятно, и вызывает.

— Слушай, Никифор, это я насчет твоей шуточки про дороговизну лекарств: я в них не нуждаюсь, и, думаю, всю жизнь покупать не придется. Год начальником медицинского склада был, для себя, детей и внуков запасы затарил.

— А спирт был? — спросил я.

— Нет! Чего не было, того не было. Был бы спирт — вы бы меня в Афгане не увидели. Я бы тогда отмазался от кадровиков! — вздохнул прапорщик. — Я, кстати, в Союз в командировку уезжаю после рейда. Вызов пришел в прокуратуру явиться.

— Какую прокуратуру? Почему раньше молчал?

— Обыкновенную, военную. Окружную. Недавно мой бывший склад сгорел, черт бы его продрал! Я уже в Афгане воевал, и на той должности после меня еще пара человек прослужила. А отчего он сгорел — непонятно, но всегда подозревают хищение. Теперь идет следствие, а я фигу-

рант. Сказать о повестке никак не решался. Честно говоря, складу сам бог велел загореться. Жалко, что у меня до сих пор нет Красной Звезды, как у тебя, Ник! Почему я не награжден?

— А ты чаще пьяным начальству попадайся. Ведь как только мы из рейда возвращаемся, так ты в первый же вечер нажираешься и в историю какую-нибудь попадаешь. Сколько твоих наградных листов Ошуев собственноручно порвал?

— Три. Два на медаль и один на орден, — вздохнул Игорь. — Ох как пригодился бы сейчас орден! Орденосцы первыми под амнистию попадают.

— Ты действительно много добра стащил? Признавайся!

— Да что я мог оттуда взять? До меня большая часть украдена была. Я, не желая оказаться крайним, рапорт написал и в Афган уехал. На этом проклятом складе лет пятнадцать один старый прохиндей обитал. Стопроцентный хохол! А я, молодой, совсем зеленый, после школы прапорщиков прибыл. Вроде имущество, как положено, принимал. А недостача оказалась на пять расстрелов! Этот гад после того, как мы днем стеллажи проверяли, ночью с бойцом-кладовщиком ящики и коробки с места на место таскал и переставлял. С караулом договаривался, вскрывал помещение и передвигал, менял местами, создавал видимость полного комплекта. Спиртом там давным-давно и не пахло. В бутылках для спирта вода оказалась! Обманул, сволочь старая! Когда я солдата на дембель провожал, он мне во всем признался. Выпили, поговорили по душам, боец и проболтался. Я, конечно, ему в морду дал, а самому — хоть вешайся! Что-то постепенно сумел списать, что-то восполнить. Осталось недостачи только на две смертных казни. Три года я мучился и все-таки решил сбежать. Нашел для замены молодого прапора и обманул его.

— Ну и при чем тут тогда ты? Он теперь, получается, стал крайним?

— Нет, — ответил Бодунов. — Вызывают тех, кто складом рулил, и одного за другим трясут. Дошла очередь и до

меня. Склад сгорел три месяца назад, а я все это время хо-
жу дрожу, запойно пью и жду, что дальше будет.

— Не потей, успокойся. Обойдется. Напишем тебе
хорошую характеристику, медаль пришлем. Расскажем,
как воюешь и под тяжестью пулеметов гнешься в горах.
Сразу выпустят. Решат, что ты, сидя в тюрьме, будешь
балдеть. А каторга — тут! Вернут назад в батальон без про-
волочек. По этапу! Ха-ха-ха! — рассмеялся я.

— Тебе смешно, а мне не очень, — вздохнул Игорь.

— Ну, не вздыхай! У тебя дома обыск был?

— Был. Квартиру и сарай перерыли, но ничего не на-
шли.

— Не там искали? — догадался я.

— Ага! Не там. Искали у жены в квартире, я у нее про-
писан, а те крохи, которые взял (как не взять, когда нигде
ничего нет), у матери лежат. С женой-то я в разводе, в этом
отпуске расстались.

— А чего так?

— Да надоела. Хуже горькой редьки. Ну ее.

— И с кем же ты отпуск проводил? На ком резвился?

— С кем, с кем... С ней же, со Стеллой.

— Ну ты даешь! — рассмеялся я.

— Не я, а она дает.

— Как же так, а говоришь, разошлись?

— Чудак-человек! Я ей чужой, что ли? Я свой! Мы,
после того как бумагу в загсе получили, пошли это дело
обмывать, — засмеялся и Бодунов.

— А почему в загсе разводили?

— Детей не завели, не успели, оба согласны на раз-
вод, поэтому все прошло быстро, без суда. И ей удобно.
Пока я тут загораю, она вроде свободна и мужу не изме-
няет. Независимая, честная женщина. Развлекаться мо-
жет сколько угодно. И мне хорошо, и я — вольный казак.
Пошли мы с ней отметить изменение в нашем семейном
положении. Обмыли, потом внезапно обоим захотелось
любви. Я говорю: дашь? Она в ответ — дам. Так и провели
месяц. Что мне болтаться, кого-то искать? Когда прове-
ренная подруга есть под боком. Да и квартира у нас ма-

ленькая, однокомнатная. Кровать одна, общая. Куда деваться?

— А дальше? — спросил я.

— Что дальше? Кино, танцы, пляж, пиво, вино и все та же испытанная общая кровать.

— Ну и зачем разводился-то? — непонимающе переспросил я.

— А хрен его знает! Надоела! — отмахнулся Игорь.

— И опять каждый день на Стеллу? Надоела, называется! — улыбнулся я.

— Развелся от нечего делать, потому что так захотелось.

— Чудак. Можно сказать, балбес!

— Можно и так сказать. А можно и грубее. Несерьезный я человек, — грустно подытожил Бодунов.

— А дальше что делать будете? После войны?

— Может, снова поженимся. Баба она неплохая, симпатичная, хозяйственная. Видно будет, как дальше жизнь пойдет. Для начала нужно вернуться живым! Зеленка, видишь, впереди какая суровая! Безбрежная и бескрайняя! И духов в ней не перечеть. Что судьбой предначертано — никто не знает. Сегодня не стреляют, а завтра пули да осколки засвистят вокруг.

— Ну ладно, ладно! Не грусти, поешь винограда, говорят, для мозгов сладкое полезно. Особенно тебе!

— Да он кислый какой-то! Дрянь. Только на брагу и годится.

— Поищи и найдешь сладкий. Ладно. Не журысь, казак! Все будет хорошо! Поехал я. Не то наше ротное начальство обидится и рассердится.

Бронемашина, медленно покачиваясь на грядках и межах, ползла по винограднику, перемалывая гусеницами растущую рядами лозу. Плетки трещали и скрипели под натиском тяжелого металла, тормозя движение, тянулись следом, оплетали траки и колеса, но все же обрывались, не выдерживая напора стального зверя. Но даже машина не смогла прорваться сквозь тройной ряд изгороди. Боль-

шой моток проволоки опутал гусеницу, и мы остановились.

Рахмонов тяжело вздохнул, вылез из-за рычагов и скомандовал наводчику:

— Скляр! Вылезай, помогать будешь. Застряли.

— Быстрее, солдат, быстрее, — прикрикнул я на бойца. — Мы что, мишенью здесь торчать будем?

В эту минуту из густого сада раздалась очередь, и пули засвистели совсем рядом. Солдаты, сидящие на броне, посыпались на землю, как грибы из лукошка.

— Зибоев! Ты чего пулемет бросил? — заорал я на солдата. — Лезь обратно, стягивай пулемет вниз и лупи сквозь виноградник! Больше огня, больше шума!

Наводчик-оператор повернул башню и полоснул из пушки по кустарнику короткой очередью.

— Куда стрелять-то?! Никого не вижу! — завопил он из башни.

Напрягая легкие, чтобы перекричать работающий на холостых оборотах двигатель, я проорал ему:

— Солдат, видишь четыре орешника?

— Те, что справа растут?

— Да! Вот туда и расстреляй ленту! Кажется, оттуда били!

Бум-бум-бум!!! Застучала пушка, и очереди 30-миллиметровых снарядов отправились искать свою жертву. Тр-р-р!!! Духи не желали отступать и отстреливались. Главное, чтобы у них не было гранатомета. Сожгут машину, гады! Та-та-та!!! Вновь просвистели пули над нами.

Зибоев перебросил с руки на руку тяжелый пулемет, повесил его на ремень и выпустил длинную очередь.

Я расстрелял четвертый магазин и понял: пора вызывать подмогу. Только собрался лезть на башню к радиостанции, как обстрел со стороны духов прекратился. Наступила напряженная тишина.

— Товарищ лейтенант! Я выдернул эту дурацкую проволоку из гусениц, можно двигаться, — обрадовал нас Рахмонов.

— Заползай в люк, и вперед! Бойцы, на машину! Бы-

стро! — приказал я, и машина осторожно двинулась к орешнику.

Со стороны командного пункта роты мчалась БМП, облепленная пехотой. На полпути к обстрелянной рощице мы встретились. Пехота спешила и попрыгала в винограднике. Мы с ротным упали в одну канаву.

— Что тут случилось? — поинтересовался Володя. — Бойцы целы?

— Солдат не задело, а почему про меня не спрашиваешь?

— Что с тобой станет — Кошеем Бессмертным.

— Радует твоя уверенность в моей неуязвимости! Три-четыре духа долбили вот из-за тех деревьев и развалин. Мы им ответили, как смогли. Теперь они спрятались — молчат.

— Машины в линию, пехота сзади, вперед к рощице! Броня, непрерывный огонь! Пехота, бл... не спать, стрелять! — скомандовал ротный.

Через пять минут мы проверяли место, где была засада. Трупов нет, но следов крови уходящих в кяризы духов много.

— Уползли, гаденыши! — сказал Володя и витиевато выругался. — Никифор, у тебя на машине остались дымовые мины?

— Есть, наверное. Лебедков, дымовухи не закончились?

— Последние, четыре штуки, — ответил сержант.

— Давай одну сюда в кяриз, а другую вон в тот старый колодец. Дыры закройте чем-нибудь, чтоб наружу дым не выходил.

Солдаты занялись делом, а мы с Володей присели под деревом.

— Чего вызывал-то? — спросил я.

— Хотел уточнить тебе задачу. От домов до дороги приказано очистить и вытоптать территорию. Чтобы пространство хорошо просматривалось проходящими колоннами. Разрушить до основания дувалы, взорвать развалины, спилить деревья и задавить виноградники.

— Нормальненько! Тут работенки — на месяц! — возмутился я.

— Да нет, брат, на три дня! Не спи, работай. Сроки ограничены. И осторожней! Пусть сначала впереди саперы по винограднику ползают, противопехотки ищут. Пешком меньше бродить надо, кустарник давить машинами. Позже приедут дивизионные саперы и взорвут хибары. Сейчас у Ветишина танк поля утюжит, давит лозу, потом ко мне поедет трудиться. Ну а когда у нас справится, пришлю его сюда.

— Спасибо за задачу! — ответил я.

— Пожалуйста. Но благодарность не ко мне, а к командиру дивизии. Я теперь даже в карты не играю, лично деревья топором подрубаю.

Четвертый день войска топтали поля и виноградники. С восхода до заката танки и БМП утюжили местность, превращая ее в лунный ландшафт.

Солдаты пилили и рубили елони, груши, айву, орешник. Деревья в два обхвата подрывали пластитом, чтобы долго не мучиться. Подошедший на подмогу тягач заваливал массивные заборы-дувалы. Постепенно мы отвоевывали жизненное пространство для построения социализма в средневековом обществе. Дорога стала хорошо просматриваться через оставшийся реденький кустарник. Но работы еще оставалось непочатый край. Лоза цеплялась за гусеницы, наматывалась вокруг катков, скручивалась в длинный шлейф и тянулась за машинами.

Бодунов и я по очереди влезали на башню и командовали механиком, который укатывал гусеницами кустарник. Пыль, гарь, мошकारа забивались в глаза и рот через накинутый капюшон маскхалата. Природа сопротивлялась и боролась за свое существование. Крупные грозди винограда разлетались в разные стороны, скрип лозы напоминал стоны. Жалко, но что делать. Отсюда духи еже-

дневно сеют смерть. Тут их неприступная крепость, убежище, дом родной.

Время от времени то под гусеницами танка, то под моей БМП раздавались громкие хлопки, и я инстинктивно вжимался в броню. Это взрывались противопехотные мины и гранаты на растяжках, не причиняя, к счастью, вреда. Главное — не наскочить на противотанковую мину. Но что ей делать в поле? Ее место на дороге. Фугасы обычно закапывают вблизи асфальта. А тут только растяжки, для уничтожения пехоты.

Почти все солдаты мучились животами. Причина простая: виноград на завтрак, обед и ужин. Да и ночью на посту что можно пожевать от скуки? Грязными руками отправляли в рот пыльные немые грозди. А где их мыть? В мутном арыке? Там сплошь тиф и гепатит.

Народ обнаглел и заелся до такой степени, что отбирал лишь самые крупные и спелые виноградины, а остальные выбрасывал. Зеленая масса хлопала под ногами. Кроссовки покрылись сладкой оболочкой, превратившись в приманку для пчел и ос. Бойцы даже руки мыли виноградом.

Нам — раздолье, а местным дехканам — горе и слезы. Виноград, конопля и опиумный мак — единственные их средства к существованию. На время сбора урожая духи даже прекращают боевые действия, перестают провоцировать наши войска. Старейшины спешат многочисленными делегациями к командованию, умоляя не стрелять, не проводить крупномасштабные операции. Наступает негласное перемирие.

На этот раз мы пришли раньше сбора урожая, и убирать после нас будет нечего.

— Замполит! — заорал техник Федарович. — Ну сколько можно издеваться над машиной? Вы с Бодуновым хотя бы меняли бронемашину, а то все одну и ту же гоняете. Сожжете к черту бортовую передачу и фрикцион. Вам-то что, наездникам, слезли, и наплевать! А я, старый хрен, опять буду крайним. Вернется из отпуска комбат и

примется орать, что технику загубили! Ведь Подорожник не спросит, кто именно машину заездил.

— Тимоха! Я же не для удовольствия катаюсь верхом на железяке. Знаешь сам, таков приказ комдива! Мне бы лучше у костра дремать и на огонь смотреть, наслаждаться дымком и ароматом жареных цыплят, — возразил я прапорщику. — Садись на мое место и катайся.

— У меня другие дела, — ответил Тимофей. — Сейчас поеду в первый взвод. Там что-то случилось. Кажется, двигатель перегрелся. Убью и механика, и взводного.

— Ну-ну! Я думаю, Серж Острогин тебя, словно мамонт, затопчет и не заметит. Справишься, если только камень ему на голову уронишь! А так, можешь разве что из-за угла материть и надеяться на свои быстрые ноги. Но, как спринтер, ты тоже слабоват. Есть лишь одно единоборство, в котором можно победить Серегу: перепить его! Тут ты — чемпион роты. Даже Игорь Бодунов со своей шахтерской закалкой спасует.

— Что вы ко мне привязались! Алкашом роты назначили! — возмутился Федарович.

— Никто тебя не назначал, сам вызвался. Ты и сейчас уже где-то браги выпил. Ладно, старый, не обижайся. — Я примирительно похлопал прапорщика по плечу.

— А если обидишься, то я буду тебя воспитывать, помогу замполиту, — угрожающе пообещал вклинившийся в разговор Бодунов, поднося пудовый кулак к носу Тимофея.

— Воспитатели хреновы! — обиделся техник. — Когда загубите какой-нибудь агрегат, сами его и чините. — Возмущенно фыркая, прапорщик забрался на броню и уехал.

По широкому двору бродили куры, роясь в пыли и навозе, а в двадцати шагах, спрятавшись за кучей мусора, лежал сержант Постников и тщательно целился в них.

Бах! И одна из кур, громко кудахча, с перебитой лапой упала на землю.

Бах! Вторая тоже нелепо запрыгала по двору.

Бах! Третьей курице пуля попала в голову, разнесла

ее, и безголовое туловище, пробежав шагов пять, упало замертво.

Остальные птицы, хлопая крыльями, разбежались кто куда.

— Ну вот, на жаркое мясо закуплено! — обрадованно воскликнул Бодунов. — Сейчас отдам Зибоеву, пусть готовит. Смотри, лейтенант, какого я замечательного снайпера вырастил! Из пулемета стреляет, как на скрипке играет!

— Ты сравнил. Еще скажи, Николо Паганини! Пулеметно-скрипичных дел мастер, — усмехнулся я.

— Да! Мастер. Любую мишень покажи в наших джунглях, он тебе ее из «Утеса» в ключья разнесет! Талант!

— Нужно будет его натаскать, чтоб солдатами командовал, и твоим замом сделать. А Мурзаилову следует присвоить звание и отправить сержантом во второй взвод. Пусть приводит в чувство исламское братство, — размышлял я вслух.

— Узбеки взвоят. У него не забалуешь. Кулачища-то как у молотобойца и шуток не понимает, — улыбнулся Бодунов. — Они шелковыми вмиг станут!

— Не жалко будет отдавать?

— Нет! Хороших бойцов растить и выдвигать не жалко. Да у меня и остальные как на подбор. Орлы! Гвардейцы!

Доломав придорожные кишлаки, заминировав кяризы и подорвав подозрительные развалины, взводы и роты теперь выползали на шоссе.

Жмущиеся к обочине афганцы с ужасом смотрели на результаты нашего вторжения в зеленку. Они тревожно переговаривались между собой. Детишки шумно возились в пыли, а женщины, закутанные с головы до пят, безмолвно сидели застывшими разноцветными столбиками. Паранджа на лице, тюк с вещами на голове, другой тюк в ногах. Рабыни... Конечно, в понимании цивилизованного человека. Однако вот пришли цивилизованные люди и разрушили их родные трущобы...

Операция закончилась успешно. Потерь нет. Теперь домой! Мыться, бриться, читать письма, возможно, целую неделю спать в чистой постели. До новых боевых.

К нашей колонне подошел батальон союзников, и афганский офицер спросил разрешения добраться до дороги вместе с нами. Ахматов и Губин посоветовались, решили подбросить союзников. Жалко, что ли? Пусть едут. Главное, чтоб не сперли чего-нибудь!

Афганцы, весело болтая, забирались на технику, облепив броню, как саранча. Вначале «сарбос» забрасывал торбу с вещами, мешок, чайник или какую-нибудь коробку, а затем с помощью товарищей влезал в кузов и бежал по машине в поисках удобного места. Ну, точно насекомые! Одеты они были кто во что горазд. В куртки, шинели, бушлаты. У одного на голове чалма (это сикх), у другого — кепка, у третьего — картуз, у отдельных избранных — каски. На ногах обувь от сапог до драных тапочек и калош.

Больше всего пассажиров уселось на головной танк комбата. Роман Романыч весело покрикивал на разношерстное воинство, призывая их быстрее успокоиться. За телами царандоевцев не видно было брони. В конце концов аборигены разместились и выжидаяще поглядывали на нас, надеясь на комфортабельную доставку к своим грузовикам у дороги.

Тронулись. Путь не близкий. До армейского лагеря километров тридцать, поэтому ехать лучше, чем топтать по солнцепеку.

Колонна одолела подъем, спустилась к пересохшему руслу реки, вновь поднялась на вершину холма. Предстоял длинный, довольно крутой спуск. Механик, собираясь переключиться на пониженную передачу, поставил рычаг скоростей на нейтралку. Что-то заело в коробке передач, и маневр у него не получился.

Танк делал перегазовку, двигатель громко ревел, а машина стремительно катилась под гору на холостом ходу. Коробка передач отчаянно скрежетала, но солдату никак не удавалось включить скорость. Молодой водитель,

видимо, растерялся и испугался. Танк подбрасывало на ухабах, гусеницы громко колотились по грунту и камням, броня тряслась и вибрировала. Царандоевцы вначале притихли, а затем запаниковали. Они громко заверещали и принялись прыгивать на обочину, кувыряясь при падении.

Танк, бешено стуча траками и теряя пехоту, съехал на дно оврага и начал по инерции закатываться на следующий подъем. Сидевшие на корме афганцы, видя, что скорость снизилась, прыгнули назад в колею. Двигатель заглох, и машина, поднявшись до критической точки, покатила обратно, давя на своем пути афганских «сарбосов». Когда танк замер на дороге, то по пути его следования остались лежать с десятков раздавленных тел и по обочинам еще множество травмированных. В воздухе стоял гул от проклятий, воплей и хрипов раненых.

Я бросился к замершему старлею Шведову. Голова Игорька была залита кровью, посеревшее лицо перепачкано рыжей пылью. Он лежал без движения, закатив глаза. Медик Сероиван вколол ему ампулу промедола, разрезал гимнастерку, ощупал голову, руки, ноги.

— Плохо дело! — вздохнул медик-прапорщик. — Голова разбита, и, похоже, позвоночник поврежден. Бедняга Игорь, не везет так не везет. Опять сломался!

Тем временем наши санинструкторы оказывали помощь афганцам. Уцелевшие «сарбосы» становились с каждой минутой все более агрессивными. Некоторые направили на нас оружие и принялись клацать затворами. Кто-то бросился к механику, желая расправиться с ним.

Афганские офицеры начали отталкивать солдат от танка, мы решили вступить за своего парнишку. В один момент автоматы оказались направлены друг на друга. Уже нет у афганцев дружеских взглядов и улыбок. С их стороны только ненависть, а с нашей — досада на случившееся. И горечь. Что сказать? Несчастный случай. Нелепость. Пыл царандоевцев охладил направленные на них пушки и наше численное преимущество. Снять напряженность и не допустить перестрелки помогли уговоры Ара-

мова и Мурзаилова на фарси. Хорошо, что у нас много таджиков, знающих фарси! Баха Арамов успокаивал и растаскивал в разные стороны наших солдат и «сарбосов», громко орал на аборигенов, переговаривался с афганскими командирами.

Кровавое шевелящееся человеческое месиво постепенно затихало. Люди умирали один за другим. И афганцев, и наших мы выносили совместными усилиями. Наконец афганцы, ругаясь, построились и уныло побрели пешком к шоссе. Ехать с нами дальше они не пожелали. Стычку удалось предотвратить, но неприязнь осталась надолго. А как дружно мы недавно ехали! Мирно переговаривались и улыбались друг другу. Всего полчаса назад...

Колонна медленно двинулась в сторону Кабула. Я сидел на башне рядом с Острогиным, мы обсуждали его любовные приключения в отпуске. Вдруг Серж громко вскрикнул и схватился за спину, привалившись к крышке люка. Я посмотрел на то место, которое он потирал, — крови нет. Но Сергей громко матерился, кривился от боли и стонал.

— Что это было, Острога? — спросил я. — Что случилось?

— Каменюку бросили или из рогатки стрельнули, гаденыши. Вон те чумазые бачата! Мы только что миновали их беснующийся выводок. Убил бы! Вот черти.

— Это они отомстили тебе за виноградники. Радуйся, что это был камень, а не пуля попала в позвоночник, — как мог, утешал я взводного.

— Но почему мне, а не тебе? Я — добрейший человек! Ты затоптал кустарников и деревьев раза в два больше моего и еще три хибары спалил! — возмутился Серж.

— Они знают, что будущих Героев Советского Союза обижать не рекомендуется. Героев можно не любить, но ни в коем случае нельзя трогать руками. Разрешается только пылинки сдувать с погон и мух от лица отгонять! А тебя пацанята выбрали как самого фактурного, фигуристого, — весело рассмеялся я.

Сергей мстительно сказал:

— Если в следующий раз поймаю духа, то привяжу его лицом к дереву и буду устраивать показательную казнь — побитие камнями. И целью будет именно позвоночник!

* * *

После рейда освободилась должность заместителя начальника штаба батальона. Игорешу Шведова эвакуировали в госпиталь в Ташкент. В полку он больше не объявился. Что с ним стало — неведомо...

Но свято место пусто не бывает. Особенно на нашем конвейере смерти. Молох войны требует новых жертв. Должность Игоря досталась прибывшему из резерва капитану Чухвастову.

ГЛАВА 2

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Началось полковое построение.

— Лейтенант Ростовцев! Лейтенант Мелешенко! — скомандовал подполковник Филатов. — Выйти из строя на десять шагов.

Ну вот! Наконец-то свершилось то, о чем говорили штабные еще до карательного похода на Баграмку. Долгожданные звездочки!

— Товарищи офицеры! Поздравляю вас с присвоением очередного звания «старший лейтенант»!

— Служу Советскому Союзу! — громко ответил я, и так же громко, словно эхо, отозвался Николаша.

Филатов крепко пожал нам руки, похлопал меня по плечу. Ошув вручил погоны, криво улыбнулся и, окинув меня недобрый взглядом, угрожающе прошипел:

— Не вздумайте напиться, организовать обмывание. Я вас обязательно сегодня проверю, и, если попадетесь, пощады не ждите!

Замполит номер один Золотарев, изображая поздрав-

ления, что-то проямлил. Сунул свою влажную, вялую руку для рукопожатия и, кося мутными рыбьими глазами, спрятался за спиной командира. Отвратительно! Черт! Даже поздравить по-человечески не может своих подчиненных. Тюфяк!

— Микола! Какие у тебя планы на вечер? — спросил я у Мелешенко, отходя от начальства.

— Нажраться! И причем вусмерть! Всенепременно! Выбор блюд: водка, спирт, самогон! — широко улыбнулся Николай.

— Микола, а можно отметить, не нажираясь? Может, обмоем совместно? Коллективами двух рот в офицерской столовой. Посидим тихо, прилично.

— А шо нам з вами сидать? У тебя самогон е?

— Нет, — искренне сожалея, ответил я.

— Во! Ник! А у меня, как у разумного хлопца, три литра приготовлено. И бражку старшина зробил з винограду! Шо нам з вами, нищетою, делиться прикажешь? Хвосты обрубам! Вы же в первой роте очень умные и правильные, через одного графы и князя. Давитесь коньяком.

— Пошли вы, куркули, к черту! Я и не думал к вам на халяву приходить. Хотел скинуться на спиртное, но раз ты так — мы люди гордые, на поклон не пойдём. Обойдемся! — отрезал я.

Мы зашагали под оркестровый марш, чеканя шаг, каждый к своей роте.

Жаль, но из-за его жлобства не получится культурного мероприятия с размахом. Опять прятаться по бытовкам и каптеркам.

— Никифор! Ура! Молодец! — схватил меня за плечи и принялся мять Ветишин. А культурист Острогин начал музуть кулачищами по плечам и спине. Следом накинулся Бодунов мять уши и шею, а Сбитнев, загадочно улыбувшись, объявил:

— Ну вот, мы тебе преподнесли подарок на день рождения, теперь твоя очередь радовать коллектив.

— Какой это подарок? При чем тут вы? Я о старлейских звездочках уже две недели знаю, просто выписку